

Максим КУРОЧКИН

Стальцова Воля

Драматическая трилогия

Часть первая

Действующие лица:

Анджей
Брат Анджея
Бадальский — ксендз иезуит
Генрик Козебродский — коронный гетман
Адам Сосульский — вздорный старый пьяница
Феська — кухарка и самогонщица, невенчаная жена Сосульского
Стась Калинка — страстный собачник

Пани Язловецкая
Юзеф Бжозовский
1-й шляхтич
2-й шляхтич
Совсем юный шляхтич
Слепой дед

STALOWA WOLA

Шляхтичи, мещане, крестьяне, чумаки, случайные запорожцы, повара, младенцы и прочие.

"STALOWA WOLA" — гордость великой нации, несокрушимая польская твердыня. Если бы Господь захотел поставить Солнце на свой рабочий стол, он бы мог использовать эту гигантскую крепость как подставку. Гений лучших инженеров и воодушевленный труд бесчисленной армии рабочих создали искусственную гору с вогнутой вершиной — на страх покоренным соседям, на зависть далеким врагам и союзникам. Не раз и не два о ее стены разбивались надежды мятежных племен. Не одно восстанское сердце заполнялось до краев страхом и безвыходной злобой при виде могучих боевых башен и высоких шпилей ее неисчислимых костелов. Столетия славы не состарили защитницу далеких рубежей Великой Польши и не сделали менее губительной силу, притаившуюся в темных бойницах, но только развратили господствующее сословие, размягчили дух и нравы ее некогда неистовых оборонцев.

И все-таки, как бы ни ослабляли крепость пьянство и бесконечные пустые свары аристократов, как бы ни подтачивало ее изнутри чрезмерное бесправие угнетенных народностей, как бы ни ветшала она от постоянных побед и иезуитского цинизма, нет во всей Вселенной второй такой силы.

ВОРОЖБИТ

На Малую Базарную площадь вылетают на полных рысях два всадника в богатых польских костюмах времен Хмельниччины.

1-й всадник (осаживая коня). Дябловы штуки! Мы здесь были уже.

Действительно, молодые рыцари уже были здесь. О том свидетельствуют опрокинутые столы с нехитрыми изделиями ремесленников, разбитая бочка с квашеными кавунами, потоптанные татарские дыни и труп рябого мещанина.

2-й всадник. Час уже кружим. Может, спросить у кого?

1-й всадник (соскакивая с коня). У кого спрашивать? У мужичья? (Подходит к телу и сапогом переворачивает его лицом вверх.) Тупая рожа. (Пытается наколоть на саблю осколок дыни.)

2-й всадник. А ты думал, если его порубить как полено, станет на Сенеку похож? (Спешивается.)

1-й всадник. Я его пальцем не тронул. (Наконец, скользкую дыню удаётся подцепить и дальнейший разговор ведется с набитым ртом.) Ковырнул только разок.

2-й всадник (наколов на саблю

отрубленную ладонь, тычет ею товарищу в нос.) Ковырнул?

1-й всадник (отпрянув, но не перестав жевать). Живучие скоты. А все почему? Книжек не читают. Дай мне волю, я бы хлопоз за месяц приручил. Завел бы университет — прямо на базаре. Ректоры, префекты, деканы, консультанты — все эти штуки. Не сдашь зачет — не смей торговать. Выписал бы отца Бадальского, чтоб их теологией морил. Вот тогда посмотрим, останется ли охота бучу поднимать. Через годик-другой и размножаться перестанут.

2-й всадник. Что делать будем?

1-й всадник. Я уже спрашивал до рогу. Твоя очередь.

2-й всадник (в зал). Эй, крестьяне, как проехать к замку коронного гетмана? Не бойтесь. Крестьяне! Отзовитесь. Крестьяне! Мы вас не тронем.

1-й всадник. Пальцем не тронем.

2-й всадник (с тревогой). Куда все подевались?

1-й всадник (ему тоже стало не по себе). А бес их разберет.

Слышен шум приближающихся людей. 1-й всадник поспешно бросает недодедну дыню и утирает губы рукавом. Рыцари принимают полные достоинства позы и ждут. Входит толпа, состоящая частью из мещан, частью — из селян, приехавших на воскресную ярмарку. Ведут под руки слепого. Тот поминутно оступается. Пытаются ему что-то объяснить, но, поскольку делают это все одновременно и шумно, ничего не получается. Завидев молодых рыцарей, толпа моментально рассеивается. Остается один слепой.

Слепой. Подведите меня: не вижу.

2-й всадник. Что ты хочешь увидеть, дед?

Слепой (замерев на месте). Повтори.

1-й всадник. Что ты хочешь увидеть, дед?

Тело слепого начинает биться, как в лихотанке. Через минуту становится ясно, что старик смеется.

1-й всадник. Дед, ты чего?

Слепой. Сподобил господь.

2-й всадник. Ты кто?

Слепой. Слепой.

2-й всадник. Вижу, что слепой. Чем занимаешься?

Слепой. Прорицаю.

1-й всадник. Брешет, собака.

Слепой. А чего мне брехать, когда я слепой? Я от людской правды кормлюсь, а как сам брехать стану, так тут меня в канаву и проводят.

2-й всадник. Что же ты, дед? Колдун, прорицатель, а канавы боишься?

Слепой. Я, паньч, людские канавы вижу, а железные мне бог не дал. Надо же, дождался.

2-й всадник. Как проехать к замку? Час уже кружим.

Слепой. Пустое, паньч, пустое.

1-й всадник. Тебе жизнь надоела, старый?

Слепой. А что мне теперь жизнь, когда я погубителя проклятой Польши дождался.

Всадники (вместе). Какого собачьего сына ты дождался?

Слепой. Тебя, хлопчик, тебя.

Максим Курочкин родился в 1970-м в Киеве. После армии работал в Институте археологии, заочно учился в Киевском Государственном университете. В 1990 году занялся писательством пьес, сценариев и стихов. Окончил сценарную школу "Звенигора" при киностудии имени Довженко, сейчас заканчивает Литературный институт на семинаре драматургии. К тому же работает в "Дебют-центре" Центрального Дома актера. В 1994 году "Аскальдов Дир" и "Лысый Затылок" были поставлены киевской "Школой современной драматургии" и показаны на Всеукраинском фестивале "Полуостров-94". В 1995 пьесе "Истребитель класса "Медя" поставил Вильнюсский русский драматический театр. В прошлом году крошечную пьесу "Буся" записали на радио в Словении. Экспресс-показы и макеты спектаклей по пьесам Курочкина театральная публика могла наблюдать в Щельково, Любимовке, на Панбалтийской ярмарке драматургии в Гданьске и на неделе русской драматургии в Берлине. Пьеса "Opus Mixtum" опубликована в журнале "Современная драматургия". Права на пьесы "Opus Mixtum" и "Истребитель класса "Медя" куплены немецким издательством "Hartmann & Stauffacher". Первая часть трилогии "Стальцова Воля" получила премию Антибукеровского комитета "За поиски новых путей в драматургии" в 1998 году.

Фрагмент пьесы мы и предлагаем вниманию читателей "ЭС".

СВЕТЛАЯ ПАНИ

Вечер на "STALOWA WOLA". В замке коронного гетмана шумно празднуют рождение щенят у любимой суки пана Калинки. Парадный зал, напоминающий скорее внутренность какого-то гигантского храма, освещен тысячами мягких огней. Высокий потолок разрисован наподобие ночного неба и украшен бледными серпами, месяцами и россыпью неярких звезд. На стенах прибиты шиты, ключи и знамена покоренных. На дальнем конце стола упившиеся вояки распевают "Вудка мусет бысьц". А ближе к нам назревает гроза — пан Адам Сосульский сцепился с ксендзом Бадальским. Зная вспылчивый нрав святого отца, можно предположить, что без крови не обойдется.

Сосульский. Цыц, жаба! Не позволь!

Калинка. Если будет на то згода пшпного пана.

Сосульский. Не будет никогда на то моей згоды, чтобы всякое быдло мычало такие позорные речи.

Калинка. Пана плохо учили хорошим манерам. Шляхтич...

Сосульский. Пана учили, что если другой пан, а паче ксендз скажет "Промазурили Великую Польшу", то это уже не шляхтич, а последний хлоп, осел и разбыха-ка.

Калинка. Пан Бадальский вовсе не говорил...

Бадальский. Пан Бадальский вовсе не просил пана Калинку быть его адвокатом. Пан Бадальский сам хороший оборонец своим словам и своей рыцарской чести. А если ка-

кая-то неученая свинота посмеет прерывать его таким наглым порядком и сунется оценивать смысл речей, в которых ни бельмеса не смыслит, то пан Бадальский скажет, что, с божьей помощью, его саблю можно встретить завтра после утренней службы у фонтана в зимнем саду.

Сосульский. Як маму кохам! Давно я хотел узнать, какого цвета кишки у нашего пыхатого ксендза.

Бадальский. Пан утолит свое любопытство, любясь на собственную требуху. Смело заверить — моя точно того же цвета.

Сосульский. Поглядим, когда мой неученый клинок доберется до вашего образованного пуза.

Бадальский. Тебя, господи, хвалим! Ты посылаешь малым умам большую спесь, чтобы они прожизвали без страха свой последний день.

Калинка. Amen! Не время ли достойному

ксендзу вернуться к предмету его пламенной речи. Кажется, говорили о национальном.

Бадальский. Когда меня так неучтиво прервали, я как раз рассуждал о том, что до тех пор мы не пропили наше отечество, пока холопы не умеют выделять настоящую польскую водку.

Сосульский. Тысяча и две ведьмы мне в зубы! Выходит, я неправильно расслышал слова достойного ксендза.

Бадальский. Боюсь, что так, пан Сосульский.

Сосульский. Тогда не будет ущерба моей древней фамилии просить прощения у рассудительного пастыря.

Бадальский. Сын мой, я не отпускаю тебя на небо без искреннего прощения. Будь в том надежен и

не забудь дать сегодня Феське саблю. Пусть протрет ее своим холопским салом от ржавчины.

1-й шляхтич. А вот и сама "пани Сосульская". Виват!

Феська (внося блюдо с зажаренным поросенком). Знать я не знаю никакого Сосульского. Кто мне такой, этот Сосульский? Он мне не муж, не коханец, бо, по совести, какой из него коханец? Так, одна аллегория. А мне никакого интереса, чтобы всякий трепал мое имя в контексте старого калеки. Я баба независимая.

Сосульский. Ах ты песка! Как смеешь равнять свое тело с моим славным родом!

Феська (не обращая внимания на Сосульского). Как панство находит сегодня моего поросенка?

1-й шляхтич. Бесподобен, как и обычно. Царь свиней!

Калинка. Трошки, як на мой вкус, пани его перегрела в духовке.

2-й шляхтич. А як по мне, так такому поросенку все еще и мало будет. Тут бы и перцу добавить не помешало.

Феська. Уж будьте покойни, перцу я ему всыпала сегодня – дай бог всякому кабану – не пожалела перцу. Но, як ваша мосць скажет, я еще добавлю, мне не накладно – маю перца на десять таких поросят.

Калинка (стараясь, чтобы Сосульский не слышал). О, в том у присутствующих нет никаких сомнений.

1-й шляхтич. Воистину так. Пани прямо кашолка с перцем!

2-й шляхтич. Пешпяна крулева! Виват!

Все, кроме Сосульского, ксендза и пани Язловецкой. Виват! Виват! Виват!

1-й шляхтич. Никаких сомнений. (Смеется.)

Бадальский. Кхм...

Калинка. А что наш ксендз кашляет?

Бадальский. Боюсь нарушить солидарность...

1-й шляхтич. Пан простудил здоровье?

Бадальский. Кхм... Боюсь нарушить такую отрядную солидарность.

2-й шляхтич. Сквозняк чертов. Так и сифонит.

Бадальский (твердо, с видом католического мученика). Нарушу такую редкую шляхетскую солидарность, но напомино, что кое-кому суровые правила ордена иезуитов не позволили оценить те качества достойной Феськи, которые приводят панство в такой малоопытный для меня восторг.

Феська (возмущенно). Ты ж ба! Як при людях, так язуйт... (Смотрит, чтобы Сосульский не услышал.) А як в кладовке, так "Солнце мое, обворожительная Феська"?

Всеобщий смех. Ксендз воздевает руки к небу, словно призывая Всевидящего в свидетели своей невинности.

Калинка (давась смехом). Предлагаю обществу отпустить пани невольный грех, ибо всем нам ведома одна его роковая деталь.

Сосульский (обеспокоенно). Это что же такая за деталь?

1-й шляхтич. А як свентший ксендз напузырится горилки, то наутро ни беса лысого не вспомнит, хоть бы ему и репа трес-

нула! Га-га-га!

Сосульский. Точно! Га-га-га! Хоть бы ему и репа треснула, хоть бы ему и сто дьяблов рогами в печенку позаскакивало!

Бадальский (голосом стали). Кое-кому я бы не советовал полагаться на мою плохую память.

Сосульский. Хм, э-хм...

Феська. Вот тебе и "хм". Пошли, старый черт, выйдем, у меня до высокого пана дело.

Сосульский. Какое еще дело? Какое у меня, уродозного шляхтича, может быть дело с твоей холопской рожей?

Феська. А с каких это пор моя рожа пани неуместна?

Сосульский. А с таких!

Феська. А с каких?

Сосульский. А с таких!

Феська. А это видел? (Показывает кулак.)

Сосульский. Да я тебя... Вот я тебя. (Пытается вытащить саблю из ножен.) Опозорю поганой кровью предковский клинок.

Феська. Да ты шо?

Сосульский. Порублю на мелкую салатку.

Феська. Та неуже?

Сосульский. Встромлю так, что очи повьскакивают.

Феська. Та дай боже нашему теляти вовка з'сты. (Уворачивается от клинка.) Ой! Пень дзьобаний, спрячь кривуло, еще вуса себе отрубь!

Калинка (пошептавшись с ксендзом). Пан Сосульский! Пан Сосульский!

Сосульский. Молчать! От родного брата таких слов терпеть не стану.

Калинка. Да, по совести говоря, чхал я на вашего брата с высокой браны. Тут, понимаешь, от широкого сердца предлагаю медку вашей мосце, а мне каким-то, перепрошую, сучим родственником в очи тычут.

Сосульский. А что, воистину добрый медок?

Калинка. Сил нет, какой добрый. Но вижу, пани приятнее маневрировать за грязной юбкой, чем справлять лышарскую беседу.

Входят Анджей и брат Анджея.

Калинка. Ай чудно! Вот и славная молодежь. Пополнение. Давно ждем, давно. Заждались.

Пока Анджей и брат его предствляют товариществу и обмениваются с ним поклонами, Адам Сосульский под аккомпанемент Феськиной ругани приканчивает бутылку.

Феська. О, бач, присосался. Куда в тебя, заморыша, только лезет?

Сосульский. Молчи, сорока.

Феська. Сам молчи, дятел.

Анджей. Это что за цаца?

2-й шляхтич. А, пустое – хлопка.

Калинка. Это Феська, кухарка, нашего славного Сосульского почти что жена. Такую власть взяла над стариком, что боронь боже. Вепрь, а не женщина.

Феська. Досьть, досьть. (Пытается вытащить Сосульского из-за стола, но ей это не удается.) От люципер. И что панство прикажет мне делать с этим бычьим пузырем?

1-й шляхтич. То уж вам виднее, достопородная. Абы только сегодня ночью обошлось без людских потерь в коронном войске. Ха-ха.

Феська. Тьху на вас, пьяницы лышские. Умаяли товарища и ржут еще. Хоть бы глядели за стариком, ему ж вообще пить нельзя, у него ж лихорадка от вашей поганой водки.

Сосульский. Но, но. Не по-

звалам.

Феська. Вставай, кабанюка. (Встряхивает Сосульского, как кулю с бульбой.) Рыцарь польский. Где только вас, таких рыцарей, находят? В какой гнилой капусте?

Анджей. Эй, хлопка. Усмири пасть, если не хочешь, чтобы я заштопал ее твоими кишками.

Феська. Это что еще за собачий подморыш тьякает? (Оглядывается и видит Анджея.) О, господи! Где я могла видеть... (Замечает брата Анджея. Закрывает рот рукой, как бы заглушая крик и стоит в оцепенении.)

1-й шляхтич. О...

2-й шляхтич. О...

1-й шляхтич. Дела амурные...

Калинка. Ай да молодое пополнение.

Феська (охришим голосом). Где я могла видеть славных рыцарей?

Брат Анджея. Очнись, ведьма, мы с братом не летаем на шабаши. Где же нам было видеться?

Феська. Правда ваша, не могли мы с вами видеться. Никак не могли. Этого не может быть. Ой, господи, прости нам грехи наши тяжкие.

Калинка. Цото в ляси сдохло. Феська, ты ли это?

Феська. Прости господи, прости господи...

Калинка. Пан ксендз, это по вашей части. Верните душу Феськи на кухню.

Бадальский. Сожалею, но Феська молится тому пани Езусу, с которым мой не имеет договора о сотрудничестве. Боюсь, что пышная шляхта останется сегодня без десерта.

1-й шляхтич. Как без десерта? То ущерб шляхетскому званию.

2-й шляхтич. Эй, ты, Санта-Феська, неси компот! Живо!

Феська. А?.. Что угодно вашей мосце?

1-й шляхтич. Компот, пирожные, бисквитки.

Феська. Бисквитки пани?

2-й шляхтич. С цукерками.

Феська (медово). С цукерками?

2-й шляхтич. С цукерками.

Феська (взрывается). А может, пани еще и конька на жопе намалевать? (Анджей вскакивает. Шляхтичи бросаются на него и держат за руки – не дают выхватить саблю из ножен.) Ой!

1-й шляхтич. Беги, Феська, конец тебе.

Феська (теребя уснувшего Сосульского). Адамчик, вставай.

1-й шляхтич. Брось его, дура, ноги уноси.

Феська. Срочное дело до пана.

2-й шляхтич. Очнись, хлопка, из тебя сейчас салат сделают!

Феська. Солнышко, пожалей меня.

Калинка. Беги, Феська, беги. Не удержим.

Феська. Адам, коханий мой.

Сосульский (больше нет никакой возможности притвориться спящим). Песка безмозглая, язва соленая, сколько ж ты будешь кровь из меня точить?

Феська. Золотце!

Сосульский. Сматывайся, старая, не видишь, что творится?

Феська. А ты идешь, сокол?

Сосульский. Иду, ласточка. Чтوب ты луснула.

Феська убегает. Возвращается.

Феська. Идешь?

Сосульский. Лечу. (Ползет на четвереньках за Феськой.)

Анджей вырывается из рук шляхтичей. Делает несколько шагов вслед за беглецами, но останавливается и гневно смотрит на державших его.

1-й шляхтич. Да, позор вопиющий.

Калинка. Просто Сосульского жалко. Очень привязался к бабе.

2-й шляхтич. Пан – новичок в нашем товариществе...

Брат Анджея (выходя вперед и становясь рядом с Анджеем). Мы с братом новички в этом славном товариществе. И брат мой, конечно, был не прав, затевая бучу. Ему следовало сперва узнать, что здесь рабам дозволено господ за усы таскать. (Возвывая голос.) Мы новички в этом славном товариществе, но мы не новички в делах чести. Клянусь маткой найсвентшей, каждый, кто

впредь посмеет удержать руку моего брата, или, не приведи господь, мою, сильно о том пожалеет. Я не погляжу ни на его славный род, ни на его седины. А кому моя такая речь не по душе, то вот он я, а вот мои пардоны. (Кладет руку на эфес сабли.)

Калинка. Панове, панове, не будем превращать такой славный вечер в свару. Столько деликатной закуски. Я в претензии, что панство игнорирует наш маленький повод.

1-й шляхтич. И то правда. Великий день. Сука пана Калинки принесла великолепных щенят.

2-й шляхтич. Виват пани Калинке!

1-й шляхтич. Виват суке пана Калинки!

Все. Виват! Виват! Виват!

Пани Язловецкая. Позволю себе напомнить пышной шляхте, что прежде, чем сука пана Калинки родила, мы все были поляками и летели в далекий космос не за детьми собачьими, а затем, чтобы защитить славу нашей великой родины. И лучше ее врагов. Смерть хлопам!

Анджей, брат Анджея. Смерть хлопам!

Шляхта неловко молчит.

Пани Язловецкая. Позорные души. Постыдились бы этих младенцев. (Указывает на Анджея и брата Анджея.) Еще кровь матери сочится из пуповин, но губы их уже знают вкус вражеской смерти. Смерть хлопам!

Анджей, брат Анджея. Смерть хлопам!

Некоторые шляхтичи (несмело). Смерть хлопам.

Пани Язловецкая. Еще тише, рыцари, еще тише. Услышит ваша подруга Феська, горя не оберется. Налетит, как черная туча, отхлещет шляхту по губам грязным подолом. Будете знать, как бунтовать против вельможной рвани. А я вот не боюсь эту ведьму. Если надо будет, сумею выпарать ее поганые бельма.

Анджей. Крулева! Возьми жизнь!

Пани Язловецкая. На что мне твоя жизнь, шенок, если ты вошь подлунно не раздавил?

Анджей. Да если б не эти паны...

Пани Язловецкая. Да если б не эти бабы, я б сама этими белыми руками прикрутила фитиль всему холопскому роду. Мы бы сегодня не собачьи именины справляли, а любили бы с паном на могиле последнего негодяя!

Анджей. Быть по тому.

Пани Язловецкая. Уймись.

Анджей. Крулева! На бога! Милости прошу!

Пани Язловецкая. Ноги целуй.

Анджей. Буду целовать, буду.

Брат Анджея. Опомнись, Анджей!

Анджей. Не трогай меня, убью!

Брат Анджея. Брат, очнись!

Пани Язловецкая. Целуй, червь!

Анджей. Будешь ли моею, чаровница?

Пани Язловецкая. О...

Анджей (целует). Моя?

Пани Язловецкая. Прочь, пес! (В сторону.) Лучшие годы проходят, а мятежники все еще копят космос. Нет, право, если б знать, что урвалась им нитка, я бы всему коронному войску не пожалела. От последнего жолнера до гетмана. Перерыв только на каву и опять... Жолнер, гетман, жолнер, гетман. Самого мизерного не обделила бы. Безногую дала бы. Ешьте, польские герои. Пейте меня. Абы ж только знать, что кончилась эта зараза. (Кричит.) Боже, отдай в мои руки польскую судьбу!

Голоса. Гетман, Гетман...

Тяжело входит больной Гетман. Калинка вопросительно подскакивает к нему.

Гетман. Видишь, все-таки пришел. (Отвечает едва заметным кивком головы на почтительные поклоны присутствующих.) Потом, все потом. (Садится.) Покази мне этого Тамерлана в пудре. (Смотрит на пани Язловецкую.) Я так и думал. За что ж пани так любит русинскую нацию?

Пани Язловецкая. Ваша мосць...

Гетман. Ну, быстрее.

Пани Язловецкая. Да вы посмотрите, на что их бабы похожи.

Гетман. Понятно. А вы, рыцари?

Чем вам хохлы не угодили? Ну... Калинка.

Калинка. Да, по совести, бог бы с ними. Хохлы себе и хохлы. Да и бабы у них... Нет, чего там – бабы бьют порядочные. Вот обувь делают – да, беда. (Демонстрирует.) У Стецька рябого брал. Еще на свадьбу. С виду оно как бы и хромовые, а пару-тройку лет поносишь – чистый юфть. И каблук летит. Вот – кобелек обел.

Гетман. Дурак ты, Калинка, хоть и человек хороший. Ну... У кого другие версии?

1-й шляхтич. Да вообще как-то... Хамят.

Гетман. Когда последнего живого хохла видел?

1-й шляхтич. Так, не далее...

Гетман. Это Феська что ли хамит?

1-й шляхтич. Ну при чем здесь Феська? (Пани Язловецкая кричится, словно жабу глотаем.) Вообще хамят.

2-й шляхтич (желая отличиться). Может...

Гетман (оборачиваясь, живо). Ну...

2-й шляхтич. Может...

Гетман. Не томи.

2-й шляхтич. Говорят, холопы пекло запаскудили. Чуть всех чертей на сало не пустили. Не можем, говорят, без сала. Невозможно это нам. В пост – еще туда-сюда, а как разговляться, так хоть из черта, но сала добудь.

Бадальский отрывается от молитвы и безмолвно огорчается такому вопиющему шляхетскому скудоумию.

Гетман. Слышал, пастырь?

Бадальский. Не глухой.

Гетман. Что скажешь?

Бадальский. Если не покончим с пьяными зачатиями, ожидают нас плохие времена.

Гетман. То так, то так. А что ты о наших славянских братьях скажешь?

Бадальский. Я ж, ты знаешь, не дурак.

Гетман. Знаю.

Бадальский. А как выпью, так ту бумажку, что у тебя в кулаке, как будто и наизусть предвижу.

Гетман (делая непровольное движение, будто собирает спрятать руку в карман). А ты протрезвей маленько. Протрезвей, мой тебе совет.

Бадальский. А если протрезветь и забыть про бумажку, да про то, как тебя твой дружка Калинка сюда зывал, а ты болезнью отговорился. Да если еще забыть...

Гетман. Ты о чем надо забыть – забудь.

Бадальский. О чем надо забыть, я забыл, когда еще и ты не знал.

Гетман. Ишь какой...

Бадальский. А если забыть, так скажу, что ни на волосок от лысой кобылы я в этом не разбираюсь.

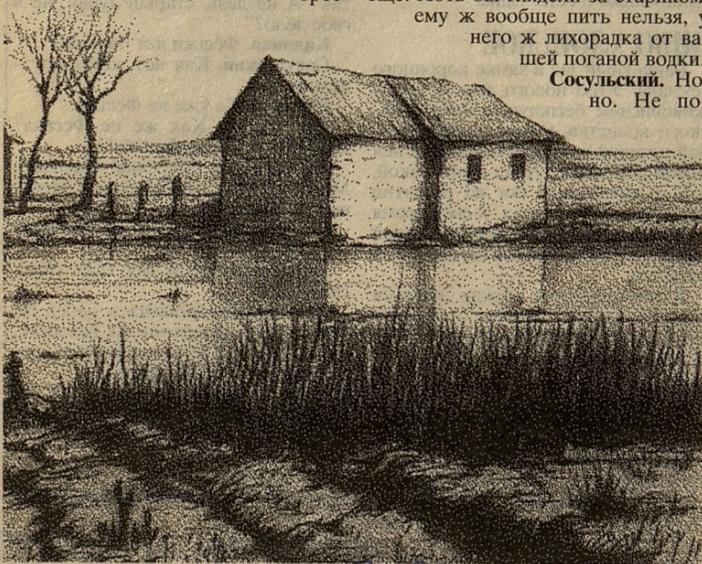
Гетман. Сам-то хоть понял, что сказал?

Бадальский. Я ксендз. Более того, я иезуит. Но я не кукла. Я живой – глубоко волнуемый богом человек. Поляк, коли на то пошло. И если, как ксендз, я готов хоть колотушкой выбивать у них из голов схизматский туман, то, как...

Пани Язловецкая. Как поляк?!

Бадальский. Я знаю. Злодей, иуды, кровопийцы, хамы, каких свет не видел, грабители, лентяи, пропойцы хуже Сосульского. Язык их базарный и того толком не знают. Наглые, темные, трусливые. Но рыцари. Так мало в мире наций, которые похожи на поляков безумием своим и чванством. Где вы найдете немца, чтобы напел на себя эти тряпки и не снимал до смертного часа. А они – да, как будто одна мать. Такие башибузуки... Я вижу к чему все идет и не вижу того сапожника, который починит разлезший славянский чобот. Но сколько жив буду – повторять буду – нам в этом чоботе еще полвселенной пройти придется.

Окопание на 10-й стр.

(Окончание. Начало на стр. 8-9)

Стальцова Воля

Гетман. Да... Я не стал тебя перебивать. Дай, думаю, умный человек до конца договорит. Может, он главное слово напоследок приберет. Такое слово, чтобы от него в голове солнце сделалось, чтобы в кровь упало, как камень – чтобы от него круги пошли. Нет, ты, конечно, хорошо говоришь, отче. Если в лапы к казакам попадешься, они тебя за язык гвоздем к осине пришьют – хорошо говоришь. Брюхо и щеки у твоей речи, как у Феськиного, не к столу будет сказано, борова сожителя. А вот хребта у твоих слов – ровно наполивину дохлой вороны – свечка, а не хребет. Главного про холопов ты и не понял и не сказал.

Бадальский. Скажи ты.
Гетман. И я не скажу. И я не понял. Думал – ты вот – книжная голова. Ну, да бог с этим. Теперь я вам прочту, чтоб вы знали, за что простой польский рыцарь должен ненавидеть эту мятежную нацию. *(Разворачивает бумагу, которую держал в руке.)* Послание его величества короля польского Владислава XIV *(Шляхта преображается.)* коронному гетману. *(Читает.)* "Получив от твоей милости верные известия о разгорающемся мятеже, к утешению врагов св. креста служащему, мы принимаем с любовью эту праведную кару, которую Бог ниспослал нам за грехи, гордыню и пороки наши. Наше долготерпение ведомо тебе. Не раз и не два смиренным беспримерным и уступками в любом другом государстве невозможными усмиряли мы буйные восстанские головы. Полагали мы, что от блеска величия государя растопляется злоба мятежа и виновные падают в прах, укрощенные милосердием монаршим. Но, поскольку, христианская наша терпимость принимается неразумными головами за слабость, укрепились мы в намерении своем вырвать злобесный корень и стереть само имя подлой казацкой нации с лица Вселенной. Надлежит то исполнить немедленно и с превеликим тщанием, в чем на тебя особую надежду имеем. При таком несчастном положении, в котором наше отечество пребывает, единственной отрадой служит нам верность и героизм неизменные, кои водимые твоею милостью полки являют."

Все (дружно). Смерть хлопам! Виват король Владислав! Виват! Виват!
Гетман. Запрещая под страхом казни любые поединства. На улице носа не высовывать. Если узнаю про кого, кончу как пуцка и еще и выпорю перед тем. Всем понятно?
Шляхта (вразброд). Всем... Всем...
Гетман. Смерть хлопам!
Шляхта (громово). Смерть хлопам!
Калинка. Всем!
Гетман. Всем.
Калинка (показывает на чоботы). А?
Гетман. Тоже.
Калинка. А?
Гетман. И ей. *(Всем присутствующим.)* До зброи, детки!
Все. До зброи! До зброи! На конь! Кончай хлопов!

Взметнулись шляхтичи, как школяры, которым наставник бросил тряпичный мяч тую набитый конским волосом. Образовали дворяне буйную толпу, объежились саблями и с веселыми криками кинулись влущивать хлопское зерно. Остались только ксендз да гетман, да Калинка, да псы Калинкины. Ксендз молится. Псы поросенка доедают. Калинка потыльцо чешет. Гетман ус крутит.

Гетман. Что, Бадальский, молишься за победу польского оружия?
Бадальский. Так плохо, что уже надо?
Гетман. Обойдемся и без твоих молитв. Просто хочу знать, что просит польский ксендз у польского бога.
Бадальский. Бисквиток насущных. Ничего более. Бисквиток насущных.

ФЕСЬКИНЫ ВИШНИ
Феська въезжает на Сосульском в кухню. Радостно смеется и погоняет своего "ослика". Работники, выдавшие картины и похлеще, не обраща-

ют на них чрезмерного внимания.
Сосульский. Слезай! Тяжела!
Феська. Во-во. *(Слезает.)*
Сосульский. *(Пытаясь принять вертикальное положение.)* Сил нет, какая тяжелая.
Феська. Во-во.
Сосульский. Цо?
Феська. Говорила, поговорить надо.

Сосульский (неприятно изумлен). Опять?
Феська. Похоже на то.
Сосульский. Когда?
Феська. Точно не знаю.
Сосульский. Когда?
Феська. Да, похоже, к пасхе уже и все.
Сосульский. Ты что? Пасха через два дня.
Феська. А у нас, христиан, через две недели.
Сосульский. Дура. Да ты... Да сколько можно? Да где оно в тебе только сидит?
Феська. Ну, я девушка емкая. Адамчик! *(Падают Сосульскому в ноги.)* Родненький, давай их оставим.
Сосульский. Что мелешь? Кого их?
Феська. Мальчишек наших. Может, опять двойнята.
Сосульский (плохо ему). Во... во...

Феська прибегает и приносит ему воды.
Сосульский (пьет и выплевывает все назад). Это же вода!
Феська. Водичка.
Сосульский. Дура! *(Горюет.)*
Феська. Сокол мой. Мне видение было. Будто, позвала меня Матерь Божья к себе на девичник. Захожу вместе с другими ее подружками в светелку, а там она – худенькая. Сидит тихо на лавке и ленточки голубые к веночку пришивает. Мы говорим – Марийко, это мы, подружки твои, а она улыбается, но как будто и не слышит. Веночек положила и ко мне подходит. За руку взяла и молчит. Я на нее смотрю – ну такое дитя. И вот, чтобы красота там какая-нибудь, так нет. И красоты особой нет. Волос темный, но не гжугчий, а как бы с рыжинкой. А лицо светлое, как знаешь, если вишневу кочотку во рту держать, а потом высушить. Красное уйдет и смуглое уйдет, а белое будет. Как бы с памятью белое. И веснушки. Я говорю – что ты, Марийко? А она на меня смотрит. А глаза у нее как яхонты. Я и яхонтов никогда не видела. А тут гляжу и понимаю – яхонты. Я говорю – что ты, Марийко? А она – страшно мне. И мне, – говорю, – страшно. Молчит. А потом улыбнется, и так тихо, чтобы, значит, другие не слышали... – Ты, – говорит, – подруженька моя, Фесенька, не бойся. Пусть мне страшно, а ты не бойся. Твой сыночек Польшу спасет. *(Плачет.)* А сыночка-то у меня и нету.

Сосульский. Ну, не плачь, старая, не плачь.
Феська. Адамушка, давай детей оставим.
Сосульский. Слышишь, как будто забегали. Или это у меня в голове такая карусель.
Феська. Адамчик, я больше не хочу их в бочку.
Сосульский (сквозь сон). Хорошо еще войны нет. *(Засыпает.)*
Феська. Ты видел новеньких? Я как глянула, так будто во мне еще одно сердце. Я до них, а они – от меня. И смотрят, как на кухарку. Такие славные белые паньчи. А меня янголы прямо в душу шепчут: это твои дети, Феодосия. Это твои дети.
Калинка. Феодосия, ты здесь?
Феська. А?!

Калинка. Это я, Калинка, не бойся.
Феська. Чего мне бояться.
Калинка. Тут такое дело, Феодосия... Как бы сказать... Я тебе 300 злотых должен, так я, вот, принес.
Феська. О, Господи, что случилось?
Калинка. Ты вспомни хорошенько, я тебе больше ничего не должен?
Феська. Нет.
Калинка. Ну, прощай тогда. Пойду я. *(Уходит. Возвращается.)* Ну, ты помнишь – 20 бутылок по пять и еще 20 сливовицы по десять. Триста получается. Правильно считаешь?
Феська. Правильно.

Калинка. Пошел тогда.
Феська. Иди. Спасибо тебе.
Калинка. Прости меня.
Феська. Ступай с Богом.
Калинка. Спасибо тебе.
Феська. Тебе спасибо, Калинка.
Калинка. Пойду я.

Уходит. Феська сидит неподвижно.
Феська. Боже, за что ты мне в душу вложил любовь к поляку? Что бы мне москаля не полюбить? Да хоть бы и татарина – все не такая мука. Сколько ж мы их отправили? Помню, близнята первые были. Носила их тяжело. Глупая потому что была. Думала, во мне горы растут. А ведь еще и работать надо, и воду таскать и все... Да чтоб еще никто и не заметил. А как родила – так такие стручки, что, кажется, и мышь голову откусит. Только я им животы кое-как завязала, а тут ты пришел. Помнишь? *(Сосульский не отвечает.)* Помнишь, старый? *(Замечает, что Сосульский спит. Заботливо кладет ему какую-то тряпку под голову.)* Пришел. Поцеловал каждого, а они ж страшненькие – в крови перепачканные, мордочки скрюченные как грушки сушеные – чистые марьтышки. Вот если б ты их не поцеловал... Ни за что бы не отдала. Расстол поцелуем как бабу восковую, как дуру последнюю. Поверила, всемо поверила. В приют поверила, в то, что видеть их смогу, поверила. О, если б ты их не поцеловал. Мертвая только и отдала бы их. Это уже потом, когда повяла все, когда ты сам спяну все рассказал – только тогда... Как перегорело все. Пьяная жила, как зверь какой. Рожала и в бочку. Рожала и в бочку. Сколько тех моих бочек между звезд качается. Как вишен просыпала.

Бадальский. Ты здесь, Феодосия?
Феська (она не слышала, что ее зовут). А может правду, кто и выживает. С одного боку звезда печет, а с другого мороз студит. А бочку себе крутит и крутит, как поросенка. *(Самой стало смешно от такого неподходящего сравнения.)* Может, какие добрые люди и подберут. Здесь вокруг много всякого сброда шастает.
Бадальский (подойдя вплотную). Ты здесь, Феодосия?
Феська. Пан отче?
Бадальский. Я. *(Показывает на Сосульского.)* Спит?
Феська. Заснуло мое счастье. Вы, говорят, дуэльничать затеяли. Ты бы не убивал старого, а то кто меня, хлопку, похоронит по-людски?
Бадальский. Не волнуйся, не до него.

Феська. Ты всегда ко мне добрый был, хоть и собачей веры поп. Как помру – помолись по-своему за рабу божью Феодосию.
Бадальский. Что это тебе помирать приспичило?
Феська. Видно, пора. Ты ведь деньги принес?
Бадальский. Нет. То есть, да... Не принес. Зайдешь завтра рано утром в костел святого Варфаламея, спросишь отца Игнатия.
Феська. Знаю такого.
Бадальский. Скажешь – от меня. Он отсчитает, сколько следует. Только не вздумай ляпнуть, что за самогон. Скажешь – за 30 печеных ангелов под сахарной глазурью.
Феська. Он мне сам за 12 апостолов с медом должен.
Бадальский. С медом?
Феська. И за Иоанна Крестителя на лимонных корках.
Бадальский (в сторону). От пьян Господня.
Феська. И за Вифлеемскую звезду с перцем.
Бадальский. Ладно, ладно. Я ему покажу. *(Спохватывается.)* Я ему скажу, он с тобой завтра за все рассчитается.

Феська. А послезавтра никак нельзя?
Бадальский. А чего тянуть?
Феська. Уже завтра, значит.
Бадальский (взрываясь). Ничего это не значит. Ничего я тебе не говорил. Напридумывала, глупая баба. *(Успокоившись.)* Завтра утром зайдешь.
Феська. Завтра так завтра.
Бадальский. Прощай.

Феська. Прощай. Помни, что я прислала.
Бадальский. Помню. Помолюсь.

Бадальский уходит. Феська сидит молча. Вдруг задышала часто-часто и стонать начала. Еще не умом, а только женским своим сильным телом ощутила...

Феська (слова вылетают у нее короткие – как спазмы). Горе. Горе. Ой, горе. Феська, решето дырявое, все вишни просыпала.

Замолкает и перестает дышать.
Феська. Что ж ты наделала, Фесья? Не Смерть, а только бессильный еще подмертвевший потряс над Феськиной головой косой-колокольчиком. Не призраки окоченевших человеческих детенышей явились старухе, а просто застонала большая грудь по жадным ртам, что могли бы до сладкой крови терзать ее черные соски.

Но и того не вынесла кухарка. Занялся Феськин ум таким горячим огнем, что и тысяча чертей не разожгут, пусть бы и были у них дрова из чистого пороку. А за то так покарал бабу Господь, что кончалась жизнь ее младенцев в таком холоде, после которого невинные их души долго еще дрожали в райских садках и у товарок своих ночью норавлили стачить лишнее одеяло.

Лишилась разума Феська. Забилась, завывала по-звериному. Подняла Сосульского. Вскочил на ноги старый поляк, да не проснулся – тут же и рухнул, – крепкую горилку готовила беззаконная его жена, не будет больше во всей Вселенной такой горилки, лопни мои глаза, не будет.
Как вскинулся Сосульский, умолкла Феська, а как обратно упал, так появился у нее в глазах что-то новое, как бы разумное навыворот. Медленно поднялась кухарка, ступила шаг и упала, как перед тем пьяница ее любимый. Снова поднялась, снова упала. Встает и падает Феська. Может, что-то сказать хочет, а, может, просто так – я в бабах не разбираюсь. И пока упражняется таким порядком дурепя, выволакивают шляхтичи подручных ее из кухни и кончают где-то неподлеку. А саму Феську не трогают – обходят. Оставим и мы ее.

ВАРТОВЫЕ
Юный шляхтич. Кто идет?
Бжозовский. Смена.
Юный шляхтич. Где вас носит?
Бжозовский. А, не спрашивай – там такое... Поласевич поднял своих жолнеров. Вылазку сделал в город. А у хлопоз базарный день.
Молодой шляхтич (собирая свои бехеи). Наверное, хорошо торговля шла.
Бжозовский. То так. У Поласевича жолнеры торговаться не умеют. Назад возвращались, так лошади не шли – кровь глаза заливали.
Юный шляхтич. Хорошо повеселились.
Бжозовский. Куда лучше. Нет больше хлопоз на "STALOWA WOLA". Чисто.
Юный шляхтич. Ни одного?
Бжозовский. Не знаю. Может, один только и есть. Одна.

ДИВО ХЛОПСКОЕ
Банкетный зал в замке коронного гетмана. Утро нового дня. Лежит в живописном беспорядке цвет польского воинства, утомленный кровавой потехой и последовавшей за ней новой попойкой. Храп стоит такой, что и деревянный бог на распятии жалеет, что не надрал в свое время ваты из прорех Калинкиной старой шапки. То-то сгодились бы сейчас на затычки.
В промежутках между залпами мугучих глоток слышны отдельные слова речи ксендза, который один только и не спит.
Бадальский. ...шляхта, шляхта... ..такая болезнь... ..у нас шляхта... ..тысячелетний кошмар... ..прожорливых рыцарей... ..и распаивают... ..но счастья!... ..в подштаниках... ..как это понимать?... ..выстреливает глаза... ..пан Казимеж... ..а пана

Казимежа... ..а пана Казимежу...
Бадальский встает и идет к двери. Внезапно она распаивается и влетает безумная Феська с сапогом на руках. Баюкает сапог, как ребенка, и поет дурным голосом колыбельную:
Феська. У неділю вранці-рано Кінь вернувся осідланий. Вийшла з хати стара мати Стала коня напувати. Напоїла та й заплаче: "Люле-люле мій козаче..."

Храп, который было прекратился с явлением Феськи, возобновляется теперь с удвоенной силой. Каждый изо всех сил старается убедить товарищей и себя самого в том, что крепко спит. Только застигнутый врасплох Бадальский да непривычные к Феськиным штучкам молодые рыцари, глядя теперь, разинув рты, на диво хлопское.
Феська говорит что-то, и чем дальше говорит, тем громче храпят поляки. Ничего не слышно. Храп уже и не храп, а рев настоящий. Поднялись братья, подошли к хлопке. Сказал что-то один молодой рыцарь, что-то гневно крикнул другой. Ответила им быстрая на язык Феська и застыла, глядя изумленно на стальную змею, ужалившую ее в грудь. Смолк храп, как и не было его.

Феська. Сыночек. Сы... Сы-ночка...
Умерла Феська и рухнула на пол. Сразу и шляхетская компания проснулась. Встали паны вокруг Феськи и молчат. Входит Сосульский в одном сапоге.

Сосульский. Где эта индюшка?
Ему, понятное дело, не отвечают.
Сосульский (обнаружив Феську). Ты зачем, ведьма, чобот поцупила? *(Находит.)* Вот он, мой мальчик. Что она тебе сделала? *(Надевает сапог.)* Если какую обиду, так ты скажи – я ей, чертовке, хвост укорочу, не погляжу, что тут ее сучих покровителей целый табун. *(Приводит себя в порядок, поправляет усы и, приняв молодецкий вид, обращается к молчаливой группе.)* А что, паны-рыцари, не угостит ли кто старого героя медком?

Калинка. Адам, когда же ты станешь человеком?
Сосульский. Вы что, дурни, пьяной бабы не видели? *(Замечает гетмана.)* Виноват, ваша светлость, я вас не заметил.
Гетман (он не слышал предыдущей фразы Сосульского). О чем ты, Сосульский?

Сосульский. Ну, в смысле того, что вы дурень...
Гетман. Я дурень? *(Кладет руку на эфес сабли.)*
Калинка. А я слышал, гетман запретил поединки.
Гетман. Ох уж этот мне гетман? Куда не сунусь, везде гетман. Скорее бы ему трясунец настал.
Сосульский. Вставай, старая! Позовите с кухни, пусть поднимают свою атаману. Она думает, с я ней цапкаться буду – слона ее пышные вытирать. Бабская стратегия. Не на того напала. Адама Сосульского на крючок из бабских струй не поймаешь, Сосульский западно за версту чуёт.
Калинка. Адам, твоя баба мертва.
Сосульский. Как мертва, так сразу моя баба, а как Феськин зад шупать, так "А не лезь, старый дурак, не в свое дело?"

Калинка. Феськи нет больше.
Сосульский. Как нет, когда вот – лежит.
Калинка. То уже не Феська.
Сосульский. Как же не Феська? Брюхо Феськино. Феська!
1-й шляхтич. Мертва! Мертва! Мертва! Мертва! Мертва! Мертва!
Сосульский (испуанно). Истинно мертва?
1-й шляхтич. Как бог свят. *(Крестится.)*
Сосульский (бросаясь к бабе). Да вы что? *(С облегчением.)* Брешете, паны-братья. Где ж она мертва, когда вот – рукой брызгает.
Точно бомба взорвалась, так отбросило людей от старухи. А Феська действительно рукой "брызгает" и ногами шевелит.
Рожает Феська.

Журан и сивена